

індивідуальні характери, обдаровані всією повнотою життєвих барв, їхня поведінка зумовлена реальними суспільними суперечностями. Митець зосереджується на духовних аспектах буття особистості, зображуючи сутність людського світоспоглядання. Письменник заглиблюється в царину невизначених душевних переживань, прагнень до іншого життя, мрій, сподівань, передчуттів, вірувань у таємниче й містичне.

Джерела та література

1. Денисова Т. Н. Про романтичне у реалізмі / Т. Н. Денисова. – К. : Наук. думка, 1973. – 236 с.
2. Зверев А. Трумэн Капоте: Витки спирали / А. Зверев // Капоте Т. Завтрак у Тиффани : роман, повести, рассказы, эссе / сост. Л. Беспаловой. – М. : Б.С.Г.-ПРЕСС, НФ «Пушкин. б-ка», 2001. – С. 5–24.
3. Капоте Т. Луговая арфа. Завтрак у Тиффани : на англ. яз. / Трумэн Капоте. – М. : Прогресс, 1974. – 224 с.
4. Capote T. In Cold Blood. A True Account of a Multiple Murder and Its Consequences / Truman Capote. – N. Y. : First Vintage International Edition, February 1994. – 347 p.
5. Levine P. Truman Capote: The Revelation of the Broken Image / Paul Levine // Truman Capote's In Cold Blood : A Critical Handbook / edited by Irving Malin. – Belmont, California, 1968. – P. 141–153.
6. Reed K. T. Truman Capote / Kenneth T. Reed. – Boston : G. K. Hall, 1981. – 145 p.

Чирва Ю. Творчество Трумэна Капоте в 1940–1950 гг.: биографический контекст. В статье рассмотрено раннее творчество (40–50 гг.) американского писателя Трумэна Капоте в биографическом контексте. Это обусловлено тем, что ранние произведения писателя автобиографичны. Т. Капоте показал пеструю картину жизни американского общества: автора интересовали проблемы семьи, воспитания, морали, добра и зла. В центре внимания писателя – внутренний мир людей, которые отличаются своим социальным положением, убеждениями, нормами поведения, психологией, однако все герои его произведений – личности, индивидуальные характеры, поведение которых обусловлено реальными общественными противоречиями. Автор акцентирует на духовных аспектах бытия личности. Т. Капоте глубоко проникает в сферу неопределенных душевных переживаний героев, в их стремления к другой жизни, мечте, надеждам, предчувствиям, верований в таинственное и мистическое. Осмысление ранних произведений американского писателя позволяет глубже исследовать художественный мир Капоте и динамику изменений его творчества.

Ключевые слова: Трумэн Капоте, раннее творчество, лиричность, психологизм, «Other Voices, Other Rooms», «The Grass Harp», «Breakfast at Tiffany's».

Chyrva Yu. Truman Capote's Work in the 1940–1950 in the Authobiographical Context. The article deals with the early work (40–50th) of the American writer Truman Capote in the biographical context. It is determined with the fact that the writer's early works are autobiographical. Capote showed the vivid picture of the life of the American society: the author was interested in the problems of family, upbringing, morals, good and evil. The author draws attention to the people's inner life. Their social status, views, rules of conduct, psychology are quite different. They are persons with individual characters whose behavior is determined by the real social contradiction. The author concentrates on the spiritual aspects of the person's being. T. Capote deepens in the indefinite feelings, in the striving for another life, dreams, hope, premonition, belief in something mysterious. The interpretation of the American writer's early works lets us investigate Capote's artistic world and the evolution of the changes of his work deeper.

Key words: Truman Capote, early works, lyric, psychologism, «Other Voices, Other Rooms», «The Grass Harp», «Breakfast at Tiffany's».

Стаття надійшла до редколегії
11.02.2013 р.

УДК 821.161.3-141 **Иван Штейнер**

...И слышалъ неизреченные слова, которыхъ человеку нельзя слышать (библейзмы в поэзии А. Рязанова)

В статье анализируется использование библейзмов в оригинальных авторских формах (зномы, версеты, вершаказы) наиболее известного за рубежом современного белорусского поэта Алеся Рязанова. Прослеживается эволюция от простого использования автором евангельских мотивов до собственной трактовки некоторых основополагающих принципов христианства.

Ключевые слова: Библия, Евангелие, апостол, Христос, поэзия, человек, магия, теология.

Постановка научной проблемы и её значение. Белорусская культура, прежде всего литература, развивалась, как и у всех европейских народов, на основе христианства. Вспомним святую заступницу земли нашей Евфросинью Полоцкую, Кирилла из Турова, Симеона Полоцкого, Афанасия Филиповича, который и писать начал после того, как увидел на небесах крест животворящий и Богородицу, а в келье услышал праведные звуки. Наиболее красочно значимость вечной Книги и слова Божьего для жизни телесной и духовной раскрыл великий Скорина в Предисловии к Библии:

«В сей Книзе вси законы и права, имиже людє на земли справоватися имають, пописаны суть. В сей Книзе вси лекарьства душевные и телесные зуполне найдете. Ту навчение филозофии добронравное... Ту справа всякого собрания людского и всякого града... Ту научение седми наук вызволенных достаточное. Хоцещи ли умети грамматику... знайдеши в зуполной Бовли, Псалтыру, чти еє. Пак ли ти ся любить разумети логику... чти книгу светого Иова или Послания светого апостола Павла. Аце ли же помыслиши умети риторику... чти книги Саломоновы... Восхоцещи ли пак учитися музики, то ест певници, премножество стихов и песней светых по всей книзе сей знайдеши. Любо ли ти ест умети аритметику... четвертьи книги Моисеевы часто чти. Пак ли же имаши пред очима науку геометрию, еже по-руски сказуется землемерение, чти книги Иисуса Наувина. Ест ли астрономии или звездочети – найдеш... во Иисусе Наувине... во книгах Царств... во светом Еувангелии... Аце ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чти книги Судей или книги Махавеев, более и справедливее в них знайдеш, нежелєи во Александрии или во Тройи. Пак ли же вократце сведати хоцещи много тысецей лет летописець, что книги Паралипомена... Почитай книги Иисуса Сирахова а Притчи Саломоновы... Чтимы ж уставичне светое Еувангелиє, а, чтучи е, наследуимы делы нашего избавителя Иисуса Христа...»

В древние времена художественное творчество воспринималось как проявление богоподобия человека, его неотъемлемое составное начало, присущее только людям, ибо возносит оно их даже над ангелами: *«Человек – есть животное словесно, мрътвѣно, ума и художьства приятно»* (И. Дамаскин). О творчестве как долге перед Богом говорится в Евангелии от Матфея и в посланиях Павла. Существует целая традиция воспринимать само творчество и творческие способности человека как проявление подобия с Богом; их представляли своеобразным даром и вместе с тем наказанием для человека, тем более, что и дар и кара даются последнему совершенно независимо от воли и желания последнего. Забывая об этих первоосновах, мы совершенно неправильно воспринимаем значимость морально-эстетического явления, известного нам под неопределенным названием *древняя литература*. Мы не можем выйти из контекста современности, взглянуть на онтологические проблемы творчества глазами и сердцем далеких предков.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В европейской поэзии во все века взаимодействуют, взаимоотрицая и взаимообогащая друг друга, интуитивное, бессознательное, и рациональное, логическое, однако именно магическое, таинственное, заговорное, не поддающееся ни чувственному, ни умственному постижению, и является ее сущностью. Долгое время это не поддавалось ни малейшему сомнению, и тем более ревизии. Все проблемы и начались с того времени, считает ведущий белорусский поэт Алесь Рязанов, когда была утеряна, утрачена *«магічна-застоўная падаснова мовы»*. Алесь Рязанов, отталкиваясь от упоминания о человеке, который *«восхищенъ быть до третього неба, восхищенъ въ рай и слышалъ неизреченные слова, которыхъ человеку нельзя слышать»*, считает, что именно эти слова, слышимые в раю и на третьем небе, и являются утерянной сущностью поэзии. Их смогут услышать, кроме апостолов и святых, допущенных к тайне (в тѣле или внѣ тѣла: Бог знает), только поэты, обладающие способностью высказать заветные слова, причем не произнести их не обычным языком. А речью поэтической. Именно поэтому в настоящей поэзии произведение становится магическим кристаллом. Поэзия – прикладная теология: она не ведет разговора о вдохновенном слове, пусть оно и не о Боге, – Бог, во всяком заученном и унылом, пусть оно и о Боге, – его нет. Такой постулат поэта и философа А. Рязанова.

Шекспир утверждал, что видит глазами души. А. Мицкевич использовал его приемы для постижения сущности бытия. Богословы смотрели на мир *«чувственными очима»*. Для нашего современника понять – значит увидеть глазами разума, ибо то, что видится таким способом, – сущее. Именно поэтому его изречения приобретают мудрость афоризма, в котором сочетается реальное и небесное:

- Сорам – розум, што памятае боскую праўду.
- Калі слова – Бог, то мова – народ.

Подобное видение и позволяет А. Рязанову по-новому прочитать, казалось бы, давно устоявшееся и принятое. Так, в «Апокрифе» М. Богдановича он находит новые «глыбіні і слаі», которые издавна там не только присутствовали, но и взаимодействовали. Все это позволяет ему прийти к парадоксальным наблюдениям и выводам и тем самым утвердить исключительный тезис о том, что Максима Книжника читают и перечитывают не только поклонники и знатоки поэзии, но и само время, сами события – словно забыли что-то и пытаются вспомнить – обращаются к нему за подсказкой и советом. Именно поэтому А. Рязанов утверждает: «*Жыта не пазнала Хрыста, а васілёк пазнаў, працоўны люд не пазнаў Хрыста, а музыка пазнаў, і святы Юры пазнаў Хрыста гэтак самааддана, што забыў самога сябе: што яму гаворыць і нашто яму гаворыць, каго гаворыць той, у кім скончыўся час?!*».

М. Богданович писал о тех временах, когда Иисус ходил по земле босыми ногами, оставляя на горячем песке свои следы. Наш современник рассуждает о том, что следы Христа затоптали, на их место пришла грязь, которая марает все возвышенное и святое, в том числе и человечесьи души.

Считается, что первым поэтом в мире был Адам, который первым дал имена всему одушевленному, каждому животному в полном соответствии с присущим им внешностью и сущностью, предназначением природы, которой и должны они служить (Бытие, 2: 19–20).

Первочеловек стоит у истоков Богом данной способности к словотворчеству: *всматривается во внутреннюю сущность каждого творения, каждого животного, каждой вещи, всматривается и угадывает самое существенное в них.*

Василий Селевский первым затронул проблему человеческого слова и языкотворчества, в чем и проявилась наиболее ярко *творческая, богоподобная способность человека*. Автор первого «Бестиария» Исидор Севильский считал, что Адам давал имена не на латыни, а на греческом языке, не на каком-то варварском, а том, что был единым для всех и назывался еврейским. Другие народы же каждому из животных дали имена *сообразно со своим языком*.

А. Рязанов создал своеобразную философско-поэтическую форму *вершаказа*, в которой идет подобным путем, исполняя роль Адама народов, по-своему раскрывая сущность названий животных, птиц и предметов вещественного мира. Он стремится постичь допонятийную сущность слов, вернуть праславянское восприятие мира человеком, который только-только начинает постигать себя самого.

Отсюда и основоположение, что обыкновенная *глина* – это таинственная *нігіль*, которая в Божьих руках становится *геніяльнай*. Понятия о предметах, вещах и действительности – та же глина в совершенных руках, мягкая, эластичная, она еще не застыла, а потому позволяет проводить над собой эксперименты тем, кто допущен к этому незавершенному через года великому таинству: вот почему белорусский *дождж* представляется Рязанову божественным ответом на старославянскую молитву – *хлеб наш насущный дождь нам днесь*.

Чрезвычайно осторожно использует Алесь Рязанов в своих произведениях аллюзии из великой книги, ибо на этом пути всегда таятся скрытые опасности. Известно, что зачастую от многотомных собраний сочинений остаются только отдельные крылатые слова, чаще всего редуцированные, да и цитируют их совершенно не так, как задумывал автор. Практически все цитируют сентенции Достоевского о том, что красота спасет мир. Однако у Федора Михайловича речь идет не об абстрактной красоте, а о величии Христа и его заветов. То же относится и к прославленному изречению о левой руке, что не знает о деяниях правой. Если в Евангелии это был завет, как вести себя по отношению к нищим (давать милостыню незаметно), то теперь это воспринимается как порок.

В творчестве Рязанова библеизмы используются не открыто и непосредственно, а скрыто, тайно, ассоциативно. В одном из своих *знамов* (авторская форма философской сентенции) он протестует, что каждый тянет на себя Христа, словно одеяло. Отношение к Богу и Спасителю в творчестве белорусского поэта почтительные, возвышенные, деликатные. Так, он вспоминает детей великого мученика, погибших под одной крышей («Сыны Юва»). В выражении *«і калі мы лічым адно аднаго на пальцах – нас шмат, калі мы лічым адно аднаго на душах – нас мала* слышится извечное: *много званых, но мало избранных*». *Версет* (авторская форма) «Дзічка» генетически связан с притчей Христа о смоковнице, для которой уже подготовлен топор. Правда, акцентация образа в целом подвергается выразительным изменениям – у А. Рязанова дичка не знает о том, что она дичка, как не

знает горькая полынь о своей горькости, а люди в целом не знают, что они люди. Воспринимая художника природным источником, он по существу словами и интонациями заповедей призывает беречь талант: *«не марнуй, не рабуї, не крадзі»*. И тем более не закапывай в землю.

В рязановском *«рэчка цячэ – і знаходзіць дарогу да мора»* выразительно слышится исконное – *и возвращается ветер на круги своя*. В строчках *«І звер недаверліва спыняецца перад дзвярамі, вынюхваючы ў іх двувер'е і ерась»* отчетливо видится библейский дьявол, ищущий, кого пожрать. Буря, разделившая пополам море уничтожившая преследователей, напоминает про исход богоизбранного народа и волны, поглотившие его врагов («Бура»).

Чрезвычайно импонирует А. Рязанову сама атмосфера, то состояние, когда человек прочувствует в своей душе Бога, что наиболее проявляется в дни воскресения Христа. В версете «Трансмутация» наш современник практически приближается к прославленному Кириллу из Турова во восхвалении праздника души и тела:

*Блізка Вялікдзень.
У паветры разліты салодкі і горкі
водар.
Падсыхаюць груды.
Цвітуць кацяхі вербалозу.
Прадвесціца ішчасце.
Сонца запальваецца ў грудзях.
З песняй і плачам кудысьці ідуць
натоўпы.*

Неслучайно на вопрос анкеты «В какую эпоху вы хотели бы жить?» он ответил исключительно своеобразно: *«У велікодную – калі ў людзях уваскрасае Бог»*. Именно поэтому мертвый, распятый на кресте Иисус Христос является единственным человеком в мире, что держит дни и ночи беспомощной женщины («Старая хрысціянка»), которая, однако, не стремится найти сочувствие у людей, а наоборот – пытается спасти их души. Благодаря невидимым подвигам таких людей и случаются чудеса в саду, в котором каждый куст и дерево светятся, как на празднике, ибо постигают до последних потайных уголков сущность человека. Вот почему каждый из людей вынужден искать *«крыніцу, з якой піў святы»*.

Чтобы познать великую тайну, необходимо быть мудрыми, или оставаться такими, как дети, с душами чистыми и величественными, или умереть для самого себя, выпасть из круга своих вопросов и своих ответов, *«каб здолеў твой Бог запытацца табой і табой адказаць»*. Только тогда на небе, среди чистых облаков, сосуществуют души чистые апостолов (бывших стражей братьев меньших), людей и коров (версет «Пастух»).

На этом пути нельзя поддаваться соблазну, даже самому, казалось бы, мелкому, ибо известно, где всегда прячется дьявол. Страшным воплощением силы последнего является кумир в библейском понимании слова, реликвии которого всегда таятся в душе человеческой, и в погоне за которым люди так быстро и стремительно забывают о боге («Идал»). Идол в версете Рязанова совсем не реальное, а скорее всего, виртуальное воплощение скрытой потребности человечества в материализованной сакральной сущности. Именно поэтому, в отличие от библейского золотого тельца, сделанного в виде «Египетского черного святого быка Аписа или б'лаго быка Мневиса», идол белорусского поэта не имеет связи с реальностью: у него отсутствует форма, выразительный внешний вид, не существует ареала его бытия, точной привязки к конкретному месту. Он непостижимым образом таинственен в сумраке снов и молча ожидает того мгновения, когда кто-нибудь попадет в сферу его влияния, ибо каждый, кто заметит его, замечается им. Его сила и могущество вырастают в геометрической прогрессии, в непоколебимой уверенности, что каждый, кому предназначено, словно к залятому раздорожью, прибудет сюда, в его царство. Тогда загорятся его глаза, включится механизм захвата и жертва попадет в зону его влияния и притяжения, которые оплетут ее, словно паутина. Каждого из нас ожидает собственный идол – *«Наш уцялеснены забыты сон»*.

В целом необходимо отметить, что поэзия – значительно более могущественный медиум, чем философия в диспуте с бессознательным, а поэт намного сильнее предчувствует будущие катаклизмы и катастрофы. Алесь Рязанов считает поэзию божественным явлением, хотя она и не является прикладной теологией: она не ведет разговоры о Боге, но он выявляется в ней:

*Мы ў словах і ў вобразах і вядзём свае дыялогі
з тымі, хто нас разумее, а ў непрытомным, куды
няма доступу розуму, –
Бог.*

Белорусский поэт остается гуманистом в эту сложнейшую эпоху развития человечества: он верит в силу и нравственность человека, его потенциальные возможности постижения истины. Именно в христианстве это и возможно в наиболее значительной степени. Он считает, поскольку «Бог трохадзіны, і якраз праз іпастась Бога-Сына ў гэтую мадэль уваходзіць, ці, прынамсі, здольны ўвайсці, дзейснычы свой шлях, чалавек». Вспомним, что в раннем христианстве в прославленном тезисе святого Ириния Лионского «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом» ударение ставилось на заключительную часть изречения, то теперь акцентируется человеческая ипостась Христа, единого безгрешного человека. Именно подобное восприятие позволяет А. Рязанову вести полемику с Ф. М. Достоевским: «Чалавеку ўсё дазволена не таму, што Бога няма, а якраз таму, што Бог ёсць. І наколькі ён “увесь”, настолькі яму дазволена “усё”».

Человек, потерявший духовный и душевный ориентир, то есть все то, что в славянской православной традиции всегда ассоциировалось с Богом, напоминает пса, утратившего хозяина, а потому он «туляецца» по улицам, «згублены і знякаваны». Мир наполнен голосами, однако это совсем не родные голоса, они не могут вывести из этого состояния и вернуть былое гармоничное существование. Люди также потеряны и оставлены, именно поэтому они и ждут благой вести, с помощью которой человек сможет переродиться и найти себя.

А. Рязанов полемизирует с авторами всяческих многочисленных кодов да Винчи, выразительно намекающих или просто утверждающих плотскую связь Спасителя с Марией Магдаленой и возможных прямых наследников Христа. Псевдоисторические опусы, в которых Спаситель настолько воплотился, что вступает в традиционные человеческие отношения, кардинально противоречат евангелиям и онтологическим принципам христианства. Это очередное стремление вывести на первый план плотское начало Христа, хотя еще апостол Павел, видевший Спасителя в теле, не считал это существенным. А. Рязанов глубоко философски реализует классическую проблему:

*«Абрагам спарадзіў Ісака, Ісак спарадзіў Якава...»
«А вось Ісус не спарадзіў нікога другога, а
спарадзіў самога сябе – Хрыста.
І гэта самае вялікае, на што здатны (ці яшчэ
не здатны) чалавек».*

А. Рязанов восхваляет подвиг Спасителя, благодаря которому человек способен войти в триединую ипостась Бога. В этом он опять близок Кириллу из Турова, который в «Слове на Снятие с Креста» воскликнул: «Христос же на Кресте руце простер, осушения греховнаго и от смерти человека освободи». Образ Святой Троицы, вход в которую всегда сохраняется для человека гармоничного и совершенного, однозначно свидетельствует о его (человека) великом предназначении. Именно в этом направлении он и должен идти, развиваться и совершенствоваться. Это путь ко все большей свободе, к возрастающей ответственности и необъяснимости. Человек должен идти не собою, а из себя, и только по направлению к чему-то. Идя по этой дороге, человек становится еще одним центром в рязановской модели времени, которая напоминает круг, ибо в нем есть и окружность, и центр, динамика и статика, центростремительное и центробежное, в этой модели все в постоянном движении, в том числе и сам человек; только самая-самая *сэрцавіна часу нерухомая, але менавіта ў ёй ўмясцілася ўся зямля і неба*.

На человеке А. Рязанова сошлось очень многое. Даже огонь и вода – антиподы в действительности – «мірацца на ім, бо і вада, і агонь ачышчаюць». Человек ни в коем разе не завершенная сущность: он мыслит своей ипостасью, находящейся в процессе эволюции. Он никогда не станет завершенным: человек – вечная предтеча того, кем он становится. В своем движении он отталкивает будущее в прошлое, а потому он нигде не свой – там его еще нет, а там – уже нет.

В этом плане чрезвычайно существенным понятием философии А. Рязанова становится понятие расстояния. Основной его тезис – все находятся на одинаковом расстоянии от Бога, но на разном – до

Бога – подчеркивает то, что отделяет человека от действительности и одновременно соединяет его с нею. В нем одновременно вохраняется мера, благодаря которой действительность имеет саму себя, а человек остается самим собой. Все это соответствует длине невидимой цепи, в которую впутан человек своими желаниями, мыслями, мешающими ему достигнуть неба. Как раз это расстояние у каждого свое собственное, личное. Поэзия и философия, считает А. Рязанов, и должны служить тому, чтобы выбраться из этих пут:

*«Як сляпы памятае пра тое, што цяпер для яго
не існуе, – пра свет вобразаў, глухі – пра свет
гукаў, так і мастацтва памятае пра іншую сапраўд-
насць, якой не існуе для надзённай свядомасці.
Яно – наш страчаны зрок, яно – наш стра-
чаны слых, і яно – абяцанне, што мы ўсё адно
калі-небудзь станем “слухнымі” і “вiдушчымі”».*

Выводы и перспективы последующих исследований. В обращении к мудрости Библии поэт находится между Сциллой и Харибдой профанации великих заветов и плетением изящных словес, в которых тонет сам великий смысл Слова. Об этом предупреждал еще Л. Н. Толстой, который осуждал боготворческие поиски современной ему европейской литературы, в том числе и великого Гете. Белорусский поэт интуитивно чувствует подводные камни на этом великом пути постижения истины, что хорошо иллюстрирует эволюция его произведений от ранних поэм («Паэма жніва», «Было Балота» (1974) до версетов и зномов, приобретающих форму мудрого афоризма, в чем-то напоминающего притчи Соломона. Подобная форма заставляет сконцентрировать мысль в жестко ограниченных рамках, не позволяющих растекаться мыслью по древу, что способствует глубокой концентрации извечных образов и мотивов.

Источники и литература

1. Скарына Ф. Прадмовы і пасляслоўі / Ф. Скарына. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – С. 46–47.
2. Разанаў А. Лясная дарога: версэты / Алесь Разанаў. – Мінск : Логвінаў, 2005. – 200 с.
3. Разанаў А. С. З апокрыфа ў канон : гутаркі, выступленні, нататкі / Алесь Разанаў. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2010. – 138 с.
4. Библиейская энциклопедия. – Репр. изд. – М. : Изд. Свято-Троице-Сергиевой лавры, 1990. – С. 691.
5. Разанаў А. С. Сума немагчымасцяў : зномы / Алесь Разанаў. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 122 с.

Штейнер І. ...І чув невимовлені слова, котрих людині не можна чути (біблїзми в поезіі О. Рязанова). У статті проаналізовано використання біблїзмів в оригінальних авторських формах (зномы, версети, віршакази) найвідомішого за кордоном сучасного білоруського поета Олесь Рязанова. Простежено еволюцію від простого використання автором євангельських мотивів до власного потрактування деяких основних принципів християнства.

Ключові слова: Біблія, Євангеліє, апостол, Христос, поезія, людина, магія, теологія.

Shtejner I. ...And Heard Unspeakable Words, which it is Not Lawful for a Man (Biblicisms in Ales Ryazanov's Poetry). The article investigates the role of biblicisms in the author's original forms (znom, verset, vershakaz) of one of the most well-known abroad modern Belarusian poet Ales Ryazanov. Here is observed the evolution from the simple use of evangelical motives to the author's own interpretation of some fundamental principles of Christianity.

Key words: the Bible, the Gospel, apostle, Christ, poetry, human being, magic, theology.

Статья поступила в редколлегию
11.02.2013 г.